

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды

***РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ
Г.С. СКОВОРОДЫ***

№ 3 (69)

Харьков
ХНПУ имени Г.С. Сковороды
2019

Редакционная коллегия:

СТЕПАНЧЕНКО Иван Иванович (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета (Украина); **ГЕТМАНЕЦ Михаил Федосеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Харьковского национального педагогического университета (Украина); **ГУЛАК Анатолий Тихонович** – доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета (Украина); **КАЛАШНИКОВА Галина Федоровна** – доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета (Украина); **КОЗЛОВА Алла Григорьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Харьковского национального педагогического университета, декан факультета славистики; (Украина); **ОЗЕРОВА Нина Григорьевна** – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом русского языка Института языковедения НАН Украины (Украина); **ПЕЛЕПЕЙЧЕНКО Людмила Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода Академии внутренних войск МВС Украины (Украина); **ПОБОРЧАЯ Ирина Петровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Харьковского национального педагогического университета (Украина); **СКОРОБОГАТОВА Елена Александровна** (зам. главного редактора) – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой славянских языков Харьковского национального педагогического университета (Украина); **СТАКАНКОВА Тамара Петровна** – кандидат филологических наук, профессор кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета (Украина); **ХАЛАНСКАЯ Наталья Николаевна** (ответственный секретарь) – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета (Украина).

Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды: [науч.-метод. журн.] / Харьков нац. пед. у-нт имени Г.С.Сковороды; [редкол.: И.И. Степанченко (гл. ред.) и др.]. Харьков: ХНПУ, 2019. № 3 (69) 2019. 64 с.

В журнале публикуются статьи, посвященные актуальным проблемам науки о русском языке и русской литературе, а также методики преподавания языков в вузе. Адресован преподавателям вузов, аспирантам, научным работникам, всем, кто интересуется вопросами русской филологии.

Журнал издается с 1995 г. Номера 1–39 вышли под названием «Русская филология. Украинский вестник».

Постановлением Президиума ГАК Украины № 1-05/4 от 14.10.2009 года журнал включен в перечень научных специализированных изданий Украины, в которых могут публиковаться результаты диссертационных работ на соискание научных степеней доктора и кандидата наук. Перерегистрирован 04.07.2013 г., приказ № 893. Специальность ГАК: филологические науки (литературоведение, русский язык). Электронная версия журнала включена в фонды Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.

Журнал зарегистрирован в международных каталогах периодических изданий и базах данных: Ulrichsweb Global Serials Directory, OCLC WorldCat, Open Academic Journals Index (OAJI), Research Bible, BASE (Bielefeld Academic search Engine), Open AIRE, ERIH PLUS, включен в польскую наукометрическую базу Index Copernicus и имеет библиометрический профиль в системе Google Scholar.

Свидетельство о государственной регистрации: КВ № 15544-4016 Р от 17.07.2009 г.

Электронная версия журнала размещена на сайте: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/philology>

Рекомендован к печати ученым советом Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (протокол № 7 от 28 октября 2019 г.)

Рецензенты: *Л.В. Педченко* – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка ХНУ имени В.Н. Каразина

О.П. Ильиницкая – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы ХНПУ имени Г.С. Сковороды

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.

А.Г. Козлова

ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Б.А. ЧИЧИБАБИНА

А.Г. КОЗЛОВА. ЗВУКОВІ ОБРАЗИ В ЛІРИЦІ Б.О. ЧИЧИБАБІНА.

Метою статті є характеристика особливостей втілення звукових образів в ліриці Б.О. Чичибабіна. Відзначається, що аудіальні образи займають важливе місце у творчості поета. Частіше за все Чичибабін звертається до звуків природного світу і музики, але навіть історичні часи набувають у його поетичному світі своїх звукових характеристик. Особлива роль у художній картині світу поета належить тиші, яка осмислюється ним не як повна відсутність звуку, а як вища форма звучання, та стає втіленням тайни буття і гармонії світу. Божественна тиша, вічність протиставляється шуму як втіленню мирського, плінного, минаючого. (Не випадково у вірші «Нет, ты мне не жена...» поет порівнює кохану з лісовою тишею.) Таке сприйняття тиші цілком відповідає російській поетичній традиції, яка пов'язана з такими текстами, як «Silentium!» Ф.І. Тютчева (1830) та «Silentium» О.Е. Мандельштама (1910). У віршах, які підіймають тему поетичної праці та поетичного мистецтва, Чичибабін активно використовує пісенні, музичні асоціації. Причому, з точки зору автора, музичність, співучість поезії подарована їй самою природою, глибинною таємницею буття. Нерідко у віршах Чичибабіна простежується думка про близькість поезії та музики. А музика співзвучна і природі, і чутливій душі ліричного героя, по суті самого поета. Не випадково кохання характеризується у його ліриці як «вічна музика світу». Цілком закономірною є пильна увага Чичибабіна до звукового ладу власних віршів. Часто у його текстах використовуються яскраві «звукові» метафори, елементи звукопису, внутрішня рима, складені каламбурні рими, зустрічаються паронімічні пари, прийом паронимазії. В окремих випадках повторення звукових комплексів створює ефект відгомону, відлуння.

Ключові слова: поезія, лірика, вірш, звукові образи, образ тиші, рима, паронимазія.

А.Г. КОЗЛОВА. ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Б.А. ЧИЧИБАБИНА.

Целью статьи является характеристика особенностей воплощения звуковых образов в лирике Чичибабина. Аудиальные образы занимают важное место в творчестве поэта. Чаще всего Чичибабин обращается к звукам природного мира и музыке, но даже исторические времена приобретают в его поэтическом мире свои звуковые характеристики. Особая роль в художественной картине мира поэта принадлежит тишине, которая осмысливается им не как полное отсутствие звука, а как высшая форма звучания, становясь воплощением тайны бытия и гармонии мира. Божественная тишина, вечность противопоставляется шуму как началу мирскому, суетному, преходящему. (Не случайно в стихотворении «Нет, ты мне не жена...» поэт сравнивает возлюбленную с лесной тишиной.) Такое восприятие тишины вполне вписывается в русскую поэтическую традицию, которая восходит к таким текстам, как «Silentium!» Ф.И. Тютчева (1830) и «Silentium» О.Э. Мандельштама (1910). В стихотворениях, связанных с темой поэтического труда и поэтического искусства, Чичибабин активно использует песенные, музыкальные ассоциации. Причем, с точки зрения автора, музыкальность, певучесть поэзии подарена ей самой природой, глубинной тайной бытия. Нередко в стихотворениях Чичибабина прослеживается мысль о близости поэзии и музыки. А музыка созвучна и природе, и чуткой душе лирического героя, по сути самого поэта. Не случайно любовь характеризуется в его лирике как «вечная музыка мира». Вполне закономерно пристальное внимание Чичибабина к звуковому строю собственных стихов. Часто в его текстах используются яркие «звуковые» метафоры, элементы звукописи, внутренняя рифма, составные каламбурные рифмы, встречаются паронимические пары, прием паронимазии. В отдельных случаях повторение звуковых комплексов создает эффект отзвука, эха.

© А.Г. Козлова, 2019

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2019.03.69.06>

Ключевые слова: поэзия, лирика, стихотворение, звуковые образы, образ тишины, рифма, паронимазия.

A.G. KOZLOVA. PHONETIC IMAGES IN B.A. CHICHIBABIN POEMS.

The article characterizes the features of the embodiment of phonetic images in Chichibabin poems. Audio images occupy an important place in the creative work of the poet. Usually Chichibabin refers to the sounds of the natural world and music, but even historical times acquire special phonetic characteristics in his poetic world. A special role in poet's world picture belongs to silence, which is understood not as a complete absence of sound, but as the highest form of sound, becoming the embodiment of the mystery of being and harmony of the world.

Divine silence and eternity are opposed to noise as the principle of the worldly, vain, transient. (It is clearly shown in the poem "No, you are not my wife..." the poet compares his beloved with forest silence.) Such a perception of silence fits into the Russian poetic tradition, which goes back to texts like "Silentium!" F.I. Tyutchev (1830) and "Silentium" O.E. Mandelstam (1910). In poems related to the theme of poetic work and poetic art, Chichibabin actively uses ballad or musical associations. Moreover, from the author's point of view, the musicality and melodiousness of poetry is created by nature itself and the deepest secret of being. In Chichibabin poems one can often trace the idea of the similarity of poetry and music. And the music is consonant with both nature and the sensitive soul of the lyrical hero, pertinently the poet himself. It is not unexpected that love is characterized in his poems as "the eternal music of the world". Chichibabin's close attention to the sound system of his own poems is quite natural. Often his texts use vivid "phonetic" metaphors, sound recording elements, inner rhyme, compound pun rhymes, there are patronymic pairs, and paronomasia. In some cases, the repetition of sound complexes creates the effect of a resonance or echo.

Key words: poetry, lyrics, poem, phonetic images, image of silence, rhyme, paronomasia.

*И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебрет в слове звук,
преображенный в свет.
Б.А. Чичибабин*

Поэтическое творчество Б.А. Чичибабина уже давно привлекает внимание исследователей. Среди тех, кто занимался изучением его различных аспектов, следует назвать М.И. Богославского, П.А. Брейтер, С.Н. Бунину, З.М. Вальшонка, М.А. Зуенко, И.Я. Лосиевского, К.В. Нестеренко, О.Н. Николенко, И. В. Остапенко, Л.Г. Фризмана и А.Э. Ходос и др. В то же время далеко не все аспекты лирики поэта изучены в равной степени, и целый ряд проблем все еще находится на периферии исследовательского внимания. Одна из них связана со звуковым строем поэзии Чичибабина и особенностями функционирования в ней аудиальных образов.

Целью нашей статьи является характеристика особенностей воплощения звуковых образов в лирике Чичибабина.

Ранее мы уже обращались к исследованию особенностей воплощения музыкальной темы и музыкальных образов в поэзии Б. Окуджавы [2] и Ю. Левитанского [3]. Данная статья является продолжением цикла статей об особенностях создания и функционирования звуковых образов в поэтическом тексте.

Даже поверхностное знакомство с поэзией Чичибабина позволяет заметить, что Чичибабин-поэт отличается тонкостью восприятия мира, внимательным отношением к его мельчайшим деталям. В лирике Чичибабина можно встретить не только яркие зрительные образы, выписанные с предельной скрупулезностью, но и множество образов обонятельных и звуковых, благодаря которым мир, воссоздаваемый в его поэтических текстах, становится зримым и осязаемым, буквально наполняется красками, запахами и звуками.

В одном из ранних стихотворений поэта описано полное слияние лирического героя с природой и всем сущим, полное растворение в ней как «самое лучшее», что ему дано, как абсолютная гармония с миром и самим собой: *И не страшно душе – хорошо и легко / слиться с листьями леса, с растительным соком, / с золотыми цветами в тени облаков, / с муравьиной землёю и с небом высоким* («И опять – тишина, тишина, тишина...» (1948–1951)) [7, с. 32]. Не случайно и рождение таких строк в стихотворении «Ода» (1962): *...а если выколют глаза мне, я*

стану звёздами смотреть [7, с. 109]. И в моменты высшего счастья вдвоем с возлюбленной – такое же слияние с природой, растворение в ней: *Благословенны дни безделья / с подругой доброй средь дубрав, / когда мы оба, как бестелые, / лежим, весь бор в себя вбрав* («Во мне проснулось сердце эллина...» (1961)) [7, с. 86]. В этом стихотворении разговор о природе включает и звуки природного мира: *Мы ездили на хутор Коробов, / на кручи солнца, в край лесов. / Он весь звенел от шурких шорохов / и соловьиных голосов* [там же].

Б.Ф. Егоров, характеризуя раннее творчество Б.А. Чичибабина, отмечает, что уже в самом начале творческого пути нужно искать «начало важной для Чичибабина синестезии, слияния воедино образов различных органов чувств; в дальнейшем у поэта будут такие же соединения цвета и звука и цвета с запахом...» [1]. Яркие примеры подобного рода можно найти в стихотворении «Север» (не позднее 1952), где звук, запах и человеческие чувства кажутся неразделимыми: *Лес под ветром иглами шумит, / не смолкая... <...> // Низом шелест стелется осенний, / от берёз исходит аромат... <...> // Затрещит валежник под ногами – / запоёт в охотнике азарт...* [7, с. 32]. А в стихотворении «Воспоминание о Востоке» сливаются не только звук и запах (*Чуть слышно пахнут вяленые дыни. / У голубых и призрачных прудов / поёт мошка*), но и весь мир сотворён из запахов и света [7, с. 34]. Показательны в плане синестезии и такие выражения, как *звонкий свет; холод соловьиный* («Когда весь жар, весь холод бы изведан...» (1961)) [7, с. 83]; *гулкий солнцепёк* («Моцарт» (1977)) [7, с. 271] и т.п.

Природа в творчестве поэта антропоморфизированная – живая, дышащая, звучащая. Не только *имель зазвенел* («Когда весь жар, весь холод бы изведан...» (1961)) [7, с. 83], но и *соны, как сёстры, звенят в синеве* («Вечная музыка мира – любовь» (1960)) [7, с. 82]; осенью *шуршит тропинка плюшевая <...> ...ветер, гнёзда струшивая, / скрежещет жёстью крыши* («Уже картошка выкопана...» (1957)) [7, с. 50]. Да и сама осень *свищущая* («Ох, как мой край метели холят!...» (конец 50-х)) [7, с. 52]. А в пору оттепели *жалкий дождь трещит на все лады; бубнит, как пономарь* («Весна – одно, а оттепель – иное...» (1963)) [7, с. 122]. Летом чуткое ухо поэта улавливает и звук прыгающего кузнечика (*...треща и плача, прыгает кузнечик... («А хорошо бы летом закатиться...» (1961)) [7, с. 88]*, и шелест *капли уроненной в листве*, а рядом со звуками природы – *ропот комбайна / на том берегу* («Жёлтые жёлуди...» (начало 1960-х)) [7, с. 88].

Летний отдых в деревне дарит силы и умиротворение: *Меня закалила работа и служба, / я лиха немало хлебнул на веку, / и сладок мне отдых и весело слушать / мычанье скотины и квохтанье кур. <...> Вот так и кочую, как ветры велели, / с котомкой и палкой брожу полугол, / да слушаю речек сырые свирели / и гулкие дудки болотных лугов* («По-разному тратится летняя радость...» (1961)) [7, с. 89]. Невозможно не заметить в этом фрагменте яркое созвучие **ветры велели**. Такое внимание к звуковому строю стихотворений вообще характерно для Чичибабина: *шуркие шорохи* в стихотворении «Во мне проснулось сердце эллина...» (1961)) [7, с. 86]; *...твой путь устилала усталость* и *...каждый жест твоих рук, обожженных моим обо-жаньем...* в стихотворении «Все деревья, все звёзды мне с детства тебя обещали...» (1962) [7, с. 106–107]. А в стихотворении, посвященном Лёшке Пугачёву («Лёшке Пугачёву» (начало 1960-х годов)), – целая россыпь: *Тебе ль беду не каркали / скупые куркули?; замурзанные музы* и строки *Что диспуты, что деспоты опухшим и шалавым* [7, с. 116–117]. Подобных примеров в поэзии Чичибабина встречается немало. Поэт часто использует внутреннюю рифму, паронимические пары, прием паронимазии.

А в стихотворении «Лагерное» (1946), благодаря аллитерациям – повторению звука [р], а также шипящих и свистящих звуков, – создается эффект звукописи: *...наградил нас угрюмый деспот / шумной шерстью собачьей своры*. Кстати, эти строки из второй строфы по смыслу перекликаются со строками из строфы четвертой: *Лишены мы всего человеческого, / брянский волк нам в лесу товарищ* [7, с. 25]. (Проблема звукописи в лирике Чичибабина рассматривается в статье С.А. Кочетовой и Е. Рощенко «Символика звуков в поэзии Б. Чичибабина» [4].)

Можно отметить и использование поэтом составных каламбурных рифм, таких как *нимбов – гоним был* («Еврейскому народу» (1946)) [7, с. 27]; *и ясность – и я снюсь* («Уже картошка выкопана...» (1957)) [7, с. 50]; *счастья не таю – не дал интервью* («Я жил на комсомольской стройке» (1962)) [7, с. 573] и др.

Обращают на себя внимание и неповторимые авторские «звуковые» метафоры: *речек сырые свирели; гулкие дудки болотных лугов*. В них звуковое начало воплощено в образах народных музыкальных инструментов – свирели и дудки.

Звуковые образы, поданные в метафорическом изображении, становятся яркими, запоминающимися. Например: *Милый дождик, мелкий, меткий, / золотой, весёлый, ранний, / сыплет звонкие монетки / на асфальтовые грани* («Утро с дождём и солнцем» (не позднее 1952)) [7, с. 42]; *Сосульки залепетали, / попались, звонкие впросак, / и голубыми лебедями / сугробы плещутся в ручьях* («Этот март» (1962)) [7, с. 104]. В стихотворении «Родной язык» (1951) *непуганая речь* общежитских девчонок-простушек характеризуется как *шёпот солнышка с ромашкой* [7, с. 46].

На этом фоне вполне естественной выглядит просьба поэта к соловью: *Соловей – птица Божия, / научи меня петь, как ты* («Просьба» (не позднее 1952)) [7, с. 36]. Ведь поэзия – та же музыка, что находит подтверждение в словах: *...ты всё отдашь и всё простишь ей / хотя б за музыку одну / родившихся четверостиший* («Любить, влюбиться – вот беда...» (не позднее 1957)) [7, с. 49]. А в стихотворении «Искусство поэзии» (1978), где речь идет об особенностях поэтического труда и поэтического искусства, автор использует целый ряд песенных, музыкальных ассоциаций: *...поешь ли хрупких зорь престольные капризы...; Когда, и для чего, и кем в нас заронен / дух внемлющей любви, дух стройности певучей?* [7, с. 289]. И эта музыкальность, певучесть поэзии, как полагает поэт, подарена ей самой природой, глубинной тайной жизни: *Прислушайся ж, мой брат, к сокрытой глубине, / пойми ее напев и облеку в глаголы* [там же].

Идея связи поэзии с музыкой прослеживается и в стихотворении «Я почувствовал беду и проснулся от горя и смуты...» (1978), в котором поэт сетует: *Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш, / но не помнит уроков дурная моя голова...* [7, с. 292].

Даже любовь звучит в лирике Чичибабина как *вечная музыка мира*. Именно так названо одно из стихотворений Бориса Алексеевича – «Вечная музыка мира – любовь» (1960) [7, с. 82–83].

Не удивительно, что и история, исторические времена приобретают свои звуковые характеристики. В стихотворении «Смутное время» (1947) *В очарованные трубы / трубят матушка Сибирь. // На Литве звенят гитары. / Тула точит топоры* [7, с. 28]. Что уж говорить о стихотворениях, непосредственно связанных с музыкальной темой, таких как «Моцарт» (1977) [7, с. 270–272].

Музыка Моцарта, его опера «Дон Жуан», услышанная осенью в Одессе, где *ветер камни сыпал горсткой, / ракухи лускал; где громами небо колебалось, / трубили бури* [7, с. 271], кажется лирическому герою удивительно созвучной южной природе, гармонирующей с ней. Не случайно в начале и в конце стихотворения повторяются строки: *А где еще и слушать «Дон Жуана», / как не в Одессе?* И не только природе созвучна музыка Моцарта, но и чуткой душе лирического героя – самого поэта. *Душе скитальца музыка желанна, / как сон о лесе...* [7, с. 272], – пишет Чичибабин. И снова здесь звучит мысль о близости поэзии и музыки, о волшебной силе искусства: *...лишь Моцарт был, как ангел или парус, / дитя лазури. // Он шёл, свистя, по пристаням, по дюнам, / с волибой приятя, / и я не зря о Пушкине подумал: они как братья* [7, с. 271].

Интересно, что даже тишина «звучит» в поэзии Чичибабина: *Школьные коридоры – / тихие, не звенят...* («Кончусь, останусь жив ли...» (1946)) [7, с. 23]; или *И опять – тишина, тишина, тишина* («И опять – тишина, тишина, тишина...» (1948–1951)) [7, с. 31]; *Какая в мире тишина! / Какой на небе свет!* («Сияние снегов» (1979)) [7, с. 308]. Тишина в поэзии Чичибабина – не полное отсутствие звука, а высшая форма звучания, воплощение тайны бытия и гармонии мира. Не случайно в стихотворении «Нет, ты мне не жена...» (1961)) поэт сравнивает возлюбленную с лесной тишиной: *Ты вся, как тишина, – / телесная, лесная* [7, с. 84]. Этот пример снова напоминает о роли созвучий в поэзии Чичибабина, но повторение звуковых комплексов в данном случае не просто образует внутреннюю рифму, оно создает эффект отзвука, эха – *те-лесная, лесная*.

В стихотворении «Ода тополям» (1978) тишина является не просто атрибутом тополей, но их квинтэссенцией, их глубинной сутью: они сами в восприятии поэта – *...глубь и тишь, взмывающие ввысь, / соборы сна, светильники с ветвями* [7, с. 299]. Их мудрое молчание «зовущее»: *Лишь тополя под окнами у нас / зовут куда-то как ориентиры* [7, с. 300], причем «зовут» – не вдаль, но в глубину *лишь, / зовут, чтоб мы, как некогда Нарцисс, / в свою – сквозь плоть – божественность взглянулись* [там же]. Тополя поэт сравнивает с храмами, а их «звучащее молчание» – с органной мессой: *Храмами во мраке / они полны звучанья, как орган, / и тайны тайн, как чистый лист бумаги* [7, с. 301]. Божественная тишина, вечность противопос-

тавляется шуму как началу мирскому, суетному, преходящему: *...нам свойствен шум, а тополя молчат, / полным-полны значенья и звучанья* [7, с. 300]. В этих строках можно увидеть подтверждение нашей мысли о том, что тишина у Чичибабина («немота» тополей) не есть отсутствие звука, звучания. А вот молчание, в отличие от тишины, как полагает поэт, может быть связано как с вечным, непреходящим, высшим, так и с мелким, мирским, суетным. Говоря о тополях, он замечает: *...мы и молчим о судьбах государств, / а тополя – о Вечности и Боге* [там же]. К слову, используемый в этом фрагменте приём антитезы играет важную роль в тексте стихотворения в целом и присутствует в завершающей строфе: *Алчба и страх снедают нашу плоть, / а тополя добры и неподвижны. / Галдят пророки – но молчит Господь, / и – внутрь себя – тиха улыбка Вишны* [7, с. 301]. А в стихотворении «Сияние снегов»: *Земля простила всех чуд, / и пир любви не скуп, / и в небе ангелы поют, / не разжимая губ* [7, с. 309]. В связи с использованием Чичибабиным мотивов тишины и молчания нельзя не вспомнить тютчевское «Мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев «Silentium!») (1830)) и производное от него мандельштамовское *Да обретут мои уста / Первоначальную немому, / Как кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста!* (О.Э. Мандельштам «Silentium» (1910)) [5, с. 28], где тютчевская мысль получает развитие: тишина осмысливается как первооснова жизни, а музыка как нечто первичное по отношению к слову (отсюда *...слово, в музыку вернись!* [там же]).

Таким образом, понятие тишины как высшей формы звука (и в этом смысле молчания) в полном соответствии с русской поэтической традицией имеет в поэзии Чичибабина позитивное значение. Употребление этого слова с негативной коннотацией вообще довольно редко встречается в русской поэзии. (Обычно для отрицательной характеристики используется постоянный эпитет – «мертвая» тишина.) В свое время Ленина Павловна Черкасова в выступлении на кафедре русского языка (сейчас славянских языков) Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды обратила внимание на не вписывающееся в рамки традиции, но встречающееся у Б.Ш. Окуджавы отрицательное отношение к тишине. Вспомним, например, такие строки: *...и по комнате плавает предгрозовая тишина* («Валины экзамены» (1956)); *Тьмою здесь все занавешено / и тишина как на дне...* («Тьмою здесь всё занавешено...» (1960)) [6, с. 203].

В некоторых случаях Окуджава, действительно, отдает предпочтение звучанию – музыке и слову. Например: *И все-таки я жду из тишины / (как тот актер, который знает цену / чужим словам, что он несет на сцену) / каких-то слов, которым нет цены* («Подмосковье» (1956–1957)) [6, с. 129]. И все же даже в его текстах слово «тишина» зачастую выступает с позитивной коннотацией. Наиболее показательны в этом отношении стихотворения, связанные с военной темой, где тишина ассоциируется с миром, а ее нарушение – с войной: *Но однажды, когда «мессершмитты», как вороны, / разорвали на рассвете тишину, / наш Король, как король, он кепчонку, как корону, – / набекрень, и пошел на войну* («Король» (1957)) [6, с. 139]; *...а сколько он мучился и страдал, / пока не нахлынула эта ночь, / ночь удивительной тишины, / первая ночь после войны!* («Ночь после войны» (1955)) [6, с. 109]; *Последний залп порвал тишину...; ...тишина, что звенит в ушах, / выстрадана мной* («Журавли» (1956)) [6, с. 123–124]; *Встанет, встанет над землей радуга, / будет мир тишиной богат...* («Ах, война, она не год еще протянет...» (1959 (?)); *За мир и тишину чего не дашь?* [6, с. 569] («Да здравствует Великий Понедельник!...» (1977)) и др. Полагаем, что проблема «тишины» в поэзии Окуджавы и Чичибабина может стать предметом самостоятельного научного исследования.

Таким образом, в лирике Чичибабина большое место занимают звуковые (аудиальные) образы. В первую очередь, это звуки природного мира и музыка, но даже исторические времена приобретают особые звуковые характеристики. Важная роль в художественной картине мира поэта принадлежит тишине, которая осмысливается им не как полное отсутствие звука, а как высшая форма звучания, становясь воплощением тайны бытия и гармонии мира. Такое восприятие тишины вполне вписывается в русскую поэтическую традицию (см., например, «Silentium!» Ф.И. Тютчева (1830)) и «Silentium» О.Э. Мандельштама (1910)).

Отмечая музыкальность поэтического слова, Чичибабин в стихотворениях, связанных с темой поэтического труда и поэтического искусства активно использует песенные, музыкальные ассоциации. Причем, с точки зрения автора, музыкальность, певучесть поэзии подарена ей самой природой, глубинной тайной бытия. Нередко в стихотворениях Чичибабина прослеживается мысль о близости поэзии и музыки, о волшебной силе искусства. Не случайно даже любовь характеризуется им как *вечная музыка мира*. Вполне закономерно пристальное внимание поэта к звуковому строю собственных стихов. Часто в текстах Чичибабина используются яркие

«звуковые» метафоры, элементы звукописи, внутренняя рифма, составные каламбурные рифмы, встречаются паронимические пары, прием паронимазии. В отдельных случаях повторение звуковых комплексов создает эффект отзвука, эха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров Б.Ф. Раннее творчество Бориса Чичибабина. URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/41.Egorov_B.pdf. (Дата обращения: 5.05.2019).
2. Козлова А.Г. Музыка в лирике Булата Окуджавы. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2018. № 3(65). С. 41–46.
3. Козлова А.Г. Музыка в поэзии Юрия Левитанского. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2019. № 2(68). С. 39–44.
4. Кочетова С.А., Рощенко Е. Символика звуков в поэзии Б. Чичибабина. *Чичибабин и развитие русской поэзии Украины в XX веке: Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина*. Выпуск 2. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 38–41.
5. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: Фолио, 2001. 736 с. (Б-ка поэта).
6. Окуджава Б.Ш. Стихотворения / Вступ. статьи А.С. Дубшана и В.Н. Сажина. Сост. В.Н. Сажина и Д.В. Сажина. Примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
7. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений / Сост. Л.С. Карась-Чичибабина; Вступ. ст. С.Н. Буниной; Коммент. Л.С. Карась-Чичибабиной, С.Н. Буниной. Харьков: Фолио, 2009. 890 с.

REFERENCES

1. Yegorov, B.F. Rannieie tvorchestvo Borisa Chichibabina [*Boris Chichibabin early creative works*]: URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/41.Egorov_B.pdf [in Russian].
2. Kozlova, A.H. Muzyka v lirikie Bulata Okudzhavy. *Russkaia filologiya. Vestnik Kharkovskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni G.S. Skovorody* [Music in Bulat Okudzhava's lyric poetry]. 2018. № 3(65). С. 41–46 [in Russian].
3. Kozlova, A.H. Muzyka v poezii Yuriia Levitanskogo. *Vestnik Kharkovskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni G.S. Skovorody* [Music in Yury Levitansky's poetry]. 2019. № 2(68). С. 39–44 [in Russian].
4. Kochetova, S.A., Roshchenko, Y. Simvolika zvukov v poezii Chichibabina. *Chichibabin i razvitiye russkoy poezii Ukrainy v XX veke: Vestnik Krymskikh chteniy B.A. Chichibabina* [Chichibabin and the development of Russian literature in Ukraine in XX century: The journal of Crimean B.A. Chichibabin Conference]. Issue 2. Simferopol: Krymskiy Arkhiv [in Russian].
5. Mandelshtam, O. Stikhotvoreniya. Proza / Sost., vstup. statya i comment. M.L. Gasparova [*Poems. Prose*]. *Introductory article and comments by M.L. Gasparov*. Moskva: ООО «Izdatelstvo AST», Kharkov: Folio [in Russian].
6. Okudzhava, B.Sh. Stikhotvoreniya /Vstup.statyi A.S. Dubshana i V.N. Sazhina. Sost. V.N. Sazhina i D.V. Sazhina. Primechaniya V.N. Sazhina [*Poems*]. *Introductory article by A.S. Dubshan and V.N. Sazhin. Compiled by V.N. Sazhin and D.V. Sazhina. Editor's notes by V.N. Sazhin*. SPb.: Akademicheskii proekt [in Russian].
7. Chichibabin, B.A. Sbranie stikhotvoreniy / Sost. L.S. Karas-Chichibabina; Vstup. st. S.N. Buninoy; Komment. L.S. Karas-Chichibabinoy, S.N. Buninoy [*Complete works*] *Compiled by L.S. Karas-Chichibabina. Introductory article by S.N. Bunina. Editor's notes by L.S. Karas-Chichibabina and S.N. Bunina*. Kharkov: Folio [in Russian].

(Статья поступила в редакцию 20 октября 2019 г.)

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Скоробогатова

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО СИНТАКСИСА

Рецензия на монографию:

Палатовская Е.В. Сложное предложение в когнитивно-дискурсивном аспекте: Монография. Киев: ПП«Фірма “Гранмна”», 2019. 400 с.

Палатовська О.В. Складне речення в когнітивно-дискурсивному аспекті: Монографія. Київ: ПП «Фірма “Гранмна”», 2019. 400 с.

Исследования в области когнитивной грамматики пополнились новой интересной работой, которая, с одной стороны, продолжает лучшие традиции харьковской школы синтаксиса, а с другой, – служит блестящим примером современного взгляда на природу языка, в частности, на когнитивную сущность и дискурсивный потенциал единиц синтаксиса. Еще Д.Н. Овсяннико-Куликовский утверждал, что язык следует изучать и описывать «с начала – то есть с синтаксиса», однако когнитивные исследования последних десятилетий рассматривают в объяснительном ключе в основном лексические явления, тогда как структура и семантика синтаксических конструкций русского языка, так подробно описанная синтаксистами старшего поколения, в когнитивном ракурсе до сих пор была представлена фрагментарно. Рецензируемая монография удачно заполняет существующий пробел.

Центральной задачей когнитивной лингвистики, по мысли Е.С. Кубряковой, является «объяснение тех постоянных корреляций и связей, которые выявляются между структурами языка и структурами знания». Следует отметить, что сегодня эта задача еще очень далека от своего решения, поэтому тема, избранная автором монографического исследования, полностью вписывается в парадигму антропоцентрических – когнитивных, коммуникативно-прагматических и дискурсивных – лингвистических исследований. Когнитивный потенциал сложного предложения в русскоязычном научном дискурсе до сих пор систематически не изучался, поэтому новизна и актуальность монографии не вызывают сомнений.

В работе описана лингвистическая составляющая когнитивных процессов, связанных с порождением и восприятием сложного предложения в ходе продуцирования устного научно-профессионального монолога, не опирающегося на письменный текст. Таким образом, в фокусе внимания исследователя оказывается естественный научный дискурс, протекающий в координатах «адресант – текст – адресат» в условиях временного ограничения реального коммуникативного акта. При этом спонтанный устный научно-профессиональный дискурс рассмотрен как тип дискурса, который занимает промежуточное положение между разговорной речью и кодифицированным типом литературного языка и находится в сфере их постоянного воздействия.

Сложность этого аспекта изучения сложного предложения заключается в необходимости учета, с одной стороны, когнитивных и речевых усилий говорящего при продуцировании устного научного монолога, а с другой – восприятия, понимания и хранения полученной информации слушающим. Автор монографии подчеркивает, что в этом параллельном двустороннем процессе происходит слаженная работа «всех когнитивных подсистем участников коммуникативного акта» (с.74).

Предложенный Е.В. Палатовской подход к изучению сложного предложения нов и оригинален, многоаспектность и разновекторность рецензируемой работы обеспечены интеграцией различных методов и методик исследования – собственно лингвистических, когнитивных, психолингвистических и корпусных (интроспективный анализ языкового материала, ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование, анкетирование и др.). При этом несомненный интерес вызывает разграничение онлайн- и офлайн-методик исследования, опирающееся на

современные представления о двух режимах существования языка – хранение (offline) и использование (online). Подобный взгляд на язык и методику его исследования, насколько нам известно, в отечественном языкознании описан впервые, однако представляется чрезвычайно перспективным для разысканий, проводимых в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, и нуждается в дальнейшей разработке и детализации.

Для верификации полученных в ходе экспериментов результатов автор использует также квантитативные методы – количественный и статистический. В то же время работа представляет собой цельное исследование, объединенное не только материалом, но едиными теоретическими основаниями, последовательным непротиворечивым подходом к разным аспектам исследуемых дискурсивно-когнитивных явлений.

Целью рецензируемой монографии является установление закономерностей порождения и восприятия сложных предложений в когнитивных перспективах говорящего и слушающего и установление репертуара прототипических средств связи, которые организуют бипредикативные и полипредикативные конструкции в устном научном монологе.

Объектом исследования выступает сложное предложение, предметом – соотношение конкретных сложных предложений, которые продуцируются в реальном пространственно-временном континууме ситуации общения, и ментальной грамматики субъектов коммуникации (говорящего и слушающего). Автор обращает внимание на то, что адресантами рассматриваемых монологов являются люди с высокой коммуникативной компетенцией – ученые-лингвисты, речевая культура которых не вызывает сомнений и может служить образцом.

Структура монографии обусловлена логикой предмета исследования: книга состоит из двух частей – теоретической и экспериментальной, каждая из которых включает две главы.

Первая часть работы «Теоретические и методологические основы изучения сложного предложения в когнитивно-дискурсивной парадигме» посвящена анализу методологических основ и теоретических подходов, которые использует автор при изучении сложного предложения в когнитивно-дискурсивном аспекте. В первой главе хорошо прослеживается развитие научной мысли от лингвистического психологизма к современной когнитивной лингвистике: рассмотрены взгляды на языковые способности человека в теоретической концепции А.А. Потебни, общеметодологические положения Л.В. Щербы, А.Е. Кибрика, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой и других ученых, постулаты представителей первой и второй волны когнитивной лингвистики. Опираясь на тезис, который гласит, что языковая деятельность является одной из разновидностей когнитивной деятельности человека, а «языковая форма объективирует когнитивные структуры человеческого сознания и мышления» (с. 43), Е.В. Палатовская подробно и тщательно рассматривает ряд психологических и психолингвистических трудов, посвященных проблемам порождения и восприятия вербального сообщения, показывает, как обращение филологов к изучению коммуникативного поведения человека во всем его многообразии стимулирует разработку экспериментальных методик исследования нестандартного, «живого» языкового материала (детской речи, спонтанного говорения, речевых сбоев, восприятия и понимания устных и письменных сообщений).

Во второй главе первой части монографии «Сложное предложение в контексте смены научных парадигм» исследователь фокусирует свое внимание на освещении тех аспектов теории сложного предложения разных школ и направлений, которые могут составить ядро современной когнитивно-дискурсивной синтаксической концепции изучения би- и полипредикативных структур.

Значительный интерес представляет вторая часть работы «Сложное предложение в устном научно-профессиональном дискурсе», в которой Е.В. Палатовская предлагает филологическому сообществу оригинальную модель экспериментального изучения сложного предложения, предполагающую учет особенностей порождения и восприятия научного монолога в когнитивной перспективе адресанта и адресата научного сообщения. Здесь рассмотрены порождение и восприятие сложного предложения в устной научно-профессиональной коммуникации и сложное предложение в аспекте теории прототипов. Особый интерес, на наш взгляд, представляет описание и анализ механизмов актуализации когнитивных инвариантов в спонтанной научной коммуникации. Утверждается, что при спонтанной коммуникации широко используются синтаксические структуры, соотносительные с семантико-синтаксическими инвариантами, которые закреплены в сознании носителей языка, а каноническим способом представления в поверхностном синтаксисе рассмотренных в работе семантико-синтаксических инвариантов является сложное предложение, в котором показателем прототипичности выступает способ связи

его частей. Именно средства связи являются отражением во внешнем высказывании сложных когнитивных процессов категоризации, которые происходят в сознании говорящего.

Е.В. Палатовская доказывает, что автор монологического сообщения в пространстве онлайн-коммуникации находится в состоянии временного ограничения и, как следствие, эмоционального напряжения, что приводит к неосознанному отбору из всего репертуара закрепленных в его сознании синтаксических конструкций таких предложений, которые можно определить как прототипические. Прототипическими в работе названы синтаксические конструкции наиболее репрезентативные, типичные для обозначения той или иной ситуации, а также удобные для восприятия и понимания реципиентом сообщения. Обычно такие единицы хорошо известны всем говорящим на данном языке в тот или иной период его развития. Это факт подтверждается интроспективным анализом языкового материала в сочетании с оригинальной методикой, включающей серию психолингвистических экспериментов, а также статистический и корпусный методы исследования. Это позволило автору монографии выделить и систематизировать репертуар прототипических средств связи, характерных для сложных предложений различной семантики. Несомненный интерес, например, вызывают последовательные и аргументированные доказательства прототипичности на современном этапе развития русского языка лексемы *поэтому* как средства связи частей сложного предложения, выражающих отношения следствия. Е.В. Палатовская не решается пока отнести эту лексему к союзам, хотя и отмечает, что слово *поэтому* «приобретает статус союзного средства связи и постепенно вытесняет из языкового сознания говорящих союз следствия *так что*» (с. 305). (Отметим, что практика преподавания русского языка в вузе и в старших классах школы свидетельствует о том, что студенты и школьники регулярно определяют слово *поэтому* как союз, что косвенно подтверждает теоретические выводы Е.В. Палатовской.)

В ходе исследования автор приходит к выводу, что существующая в бытовом и письменном научном дискурсах асимметрия в выборе союзных средств связи, соединяющих компоненты сложных предложений, нивелируется на уровне устной научной коммуникации, так как говорящий направляет когнитивные усилия в первую очередь на смысловую наполненность высказывания, при этом интуитивно актуализируя ядерные союзные скрепы с целью вербальной презентации в поверхностном синтаксисе когнитивных инвариантов тех или иных синтаксических отношений.

Завершается монография заключением, которое обобщает содержание всех частей работы. Выводы, к которым приходит автор рецензируемого исследования, являются значимым вкладом в создание когнитивной теории сложного предложения и современную теоретическую грамматику русского языка в целом.

Перспективой дальнейшей разработки данной темы, на наш взгляд, являются поиски ответов на ряд вопросов, которые возникают при чтении монографии. По-видимому, предметом отдельного изучения должно стать понятие синтаксической эталонности: эталонный синтаксический прототип, объективирующий когнитивный инвариант в наиболее «чистом» виде, очевидно, соотносится с активно используемыми в лингвистике понятиями регулярности и типичности, однако не совпадает с ними. Когнитивные и синтаксические причины преимущественного освоения и запоминания эталонных синтаксических прототипов требуют, на наш взгляд, дальнейшего изучения.

Методика, предложенная автором исследования, может быть детализирована и расширена, что позволит успешно применить ее при исследовании когнитивно-дискурсивных характеристик синтаксических единиц разной сложности в устном модусе дискурсов разных типов.

Современная синтаксическая наука с появлением монографии Е.В. Палатовской обогатилась фундаментальной работой, автора которой отличают широкая филологическая эрудиция, грамматическое чутье, оригинальный подход к экспериментальному исследованию языкового материала и тонкая теоретическая интерпретация полученных данных.

(Статья поступила в редакцию 22 октября 2019 г.)

Т.М. Полякова

ОТСУТСТВИЕ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЯЗЫКА И МЫСЛИ

Рецензия на монографию:

Радчук О. В. Лингвокогнитивная репрезентация понятия «отсутствие» в русском языке: Монография. Харьков: Юрайт, 2019. 288 с.

Радчук О. В. Лінгвокогнітивна репрезентація поняття «відсутність» у російській мові: Монографія. Харків: Юрайт, 2019. 288 с.

В современных лингвистических исследованиях «понятие» и «концепт» рассматриваются на пересечении различных научных отраслей и воспринимаются принадлежностью к триединству «язык – мышление – культура». Язык понимается не просто как средство общения и коммуникации, но и как своеобразный код нации. Родной язык является одним из основных элементов национальности. В языке мы выражаем наши идеи, мировосприятие, наше сознание. Не случайно А. А. Потебня характеризует язык как «дух народа» (Потебня А. А. «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка»: Монография. М., 2012, С. 100). Каждая нация в ходе своего развития создавала свой уникальный и культурный фонд, имеющий важное ментальное и социальное значение, вербальным отражением которого становились лексико-семантическая и грамматическая системы, деривационные особенности, устойчивые выражения, изречения, паремии.

В монографии О. В. Радчук «Лингвокогнитивная репрезентация понятия “отсутствие” в русском языке» впервые предложен новый аспект в описании многообразия лингвальной экспликации одного из фундаментальных понятий познания, в основе которого предполагается совмещение психологического и исторического векторов исследования с социокультурным. В работе представлено полное описание возможных лингвокогнитивных средств репрезентации названного понятия в системе русского языка, осуществлен анализ социокультурных особенностей реализации понятия «отсутствие» на различных языковых уровнях, определен механизм формирования данного понятия в русском языке в сопоставлении с фрагментарным материалом близкородственных языков. Указанный авторский подход открывает широкую перспективу объяснения причин «пустых» ячеек в структуре русского языка.

Выбор понятия «отсутствие» для изучения его как лингвокогнитивного феномена является целенаправленным. С одной стороны, по наблюдению автора монографии, жизнь и все процессы функционирования личности складываются в конкретных реалиях мира, которые существуют в оппозиции ‘наличие’/‘отсутствие’: осознание присутствия или ощущение отсутствия объектов первостепенной значимости формируется у каждого человека с момента его рождения и в дальнейшем оказывается существенным для индивидуума в любой сфере его деятельности. С другой стороны, как справедливо отмечает О. В. Радчук, проблема отсутствия определенного языкового элемента в системе русского языка традиционно рассматривалась в лингвистике только в функциональном аспекте и в отношении языковой нормы. Автор монографии предпринимает попытку изучения понятия «отсутствие» как объекта языкознания в его проекции на междисциплинарные науки.

Методологическая основа, предложенная О. В. Радчук для описания многообразия репрезентации понятия «отсутствие», базируется на предварительном емком анализе и систематизации использующихся в современной лингвистике когнитивных исследований и разработок: особое внимание уделено преемственности лингвистических взглядов ученых XIX – XX вв. и современных языковедов-когнитологов, освещены традиции когнитивного подхода к изучению взаимовлияния языков в онтогенезе и филогенезе, акцентировано внимание на значимости апперцепции (как психологического вектора когнитивных процессов) и культурного трансфера (как методологии выявления разнохарактерного своеобразия экспликации абстрактных понятий и понятия «отсутствие» в частности).

© Т.М. Полякова, 2019

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2019.03.69.08>

Процесс формирования понятия «отсутствие» в русском языке рассмотрен в диахронии. Автор работы прослеживает генетическую связь оппозиции 'отсутствие – присутствие' в контексте когнитивного подхода, что способствует актуализации исследования понятия, выявлению его внутренней формы. Обращение к диахроническому аспекту в изучении названной категории дает возможность объяснить современное значение понятия «отсутствие» в системе научного знания, восстанавливает динамику изменений грамматических форм антонимической пары 'отсутствие – присутствие', подтверждает наличие единого структурообразующего центра анализируемого абстрактного понятия, заложенного в структуре слова.

Одним из первоначальных этапов, а позднее – дополнительным невербальным средством лингвальной экспликации понятия «отсутствие» О. В. Радчук определяет язык жестов, который передает в концентрированном виде национально-культурные элементы русского социума.

Лингвокультурологическое направление исследования понятия «отсутствие» в диахронии предполагает привлечение фольклорного фонда национальной культуры. Паремии, характеризующиеся устойчивостью и клишированностью, согласуются с образом жизни и мыслями множества людей, такие изречения существуют тысячелетия, переходя из века в век. С помощью паремий возможно понимание своеобразия мышления и характера народа, соответственно, в таких фразеологических единствах автор монографии выделяет специфические для русского языка единицы лексико-семантического, морфемно-морфологического и синтаксического уровней, формирующие языковое выражение понятия «отсутствие» для данного этноса.

Корреляция понятия «отсутствие» с понятиями «пустота» и «отрицание» на материале русского языка, анализ функционирования прототипических языковых ресурсов, языковых референтов понятия «отсутствие» помогли автору работы сформулировать основные механизмы возникновения новых номинаций, выражающих данное понятие. Сопоставление русских и украинских словообразовательных коррелятов, репрезентирующих понятия «отсутствие», позволило выделить в некоторых парах семантическую и морфологическую аномалии, что, по заключению исследовательницы, свидетельствует о разных путях формирования значений эквивалентных адъективов в русском и украинском языках, иллюстрирует аутентичность каждого из родственных языков.

В аспекте представления различных дискурсивных смыслов объективной действительности с учетом индивидуального восприятия рассмотрена бинарная пара понятий «отсутствие» vs «присутствие», в результате чего установлена конкретизация противопоставления указанных понятий. Понятие «отсутствие» определено как ведущее, обладающее значительным экспланаторным потенциалом.

Особый интерес представляет в монографии глава, освещающая репрезентацию понятия «отсутствие» в грамматической системе. О. В. Радчук использовала ассоциативный эксперимент как психолингвистический метод исследования, который позволил не только выделить и классифицировать весь спектр вербального отражения вариантов грамматической лакунарности, но и выявить некоторые грамматические лакуны. В целом же аналитическая обработка ответов респондентов дала возможность автору расширить понимание термина *отсутствие* применительно к грамматике, обосновать необходимость включения понятия «отсутствие» в широкий лингвопсихологический контекст со своим «репертуаром» языкового выражения единицами всех уровней языковой системы.

Выделение в грамматике русского языка семантических типов понятия «отсутствие» базируется на историческом и синхронном сопоставлении (древнерусский язык – современный русский). О.В. Радчук отмечает, что эволюция грамматических изменений, ведущая к констатации таких проявлений, как 'полное/восполняемое отсутствие' или 'исчезновение', обусловлена социокультурными факторами, так как происходит, главным образом, под влиянием психологического и когнитивного процессов (апперцепции), в ряде случаев имеет место взаимовлияние языков или воздействие внутрикультурного и межкультурного трансфера.

Репрезентация понятия «отсутствие» на грамматическом срезе языка, по мнению автора монографии, включает и такое языковое явление, как супплетивизм, с его видами, когда наблюдается отсутствие материальной повторяемости знака при изменении формы слова. Сопоставительно-исторический анализ ряда супплетивных (аномальных) форм восточнославянских языков с привлечением большого объема разработок в этой области языкознания дает возможность исследовательнице сделать вывод, что проявление сущности супплетивизма в каждом отдельном языке осуществляется под воздействием собственно лингвальных и экстралингвистических факторов.

тических факторов, которые влияют на создание языковой картины мира определенного этноса. Лингвокультурный, когнитивный ракурс рассмотрения такой разновидности экспликации 'отсутствия' в языковой системе подтверждает и здесь свою значимость.

Рубеж XX – XXI вв. отмечен существенными изменениями в парадигме научного знания, обусловленными возрастающим вниманием к механизму восприятия действительности, ее когнитивного моделирования и языковой категоризации. Рецензированная монография О. В. Радчук «Лингвокогнитивная репрезентация понятия «отсутствие» в русском языке» дополняет разработки этого направления в современной русистике, поскольку предлагает междисциплинарный подход к изучению базового абстрактного понятия с учетом достижений когнитивной лингвистики. Перед нами оригинальное, насыщенное интересными и перспективными наблюдениями исследование чрезвычайно сложного объекта, выполненное с глубоким знанием дела. Работа О. В. Радчук вносит существенный вклад в развитие методологии лингвокогнитивного анализа, открывает новые возможности описания разноуровневых языковых единиц. Можно с уверенностью сказать, что монографию должным образом оценят не только лингвисты, но и литературоведы, психологи, социологи, философы, культурологи, интересующиеся связью языка (и шире – культуры) с ментальностью ее носителей.

(Статья поступила в редакцию 14 октября 2019 г.)

И.И. Степанченко

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Рецензия на монографию:

Чернцова Е.В. Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов *казаться*, *показаться*, девербатива *кажимость*, парентезы *кажется*). Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2019. 428 с.

Чернцова О.В. Дискурсивне варіювання когнітивної семантики слова: досвід інтегрального дослідження (на матеріалі дієслівних предикатів *казаться*, *показаться*, девербатива *кажимость*, парентези *кажется*). Харків, ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2019. 428 с.

В настоящее время антропоцентрическая лингвистика переживает новый этап своего развития: большой объем информации, накопленный в результате исследования конкретных объектов и частных проблем с использованием различной методологической базы, обуславливает необходимость и возможность перехода на новый, генерализирующий уровень понимания и интерпретации исследуемого языкового материала. В связи с этим в рамках антропоцентрической лингвистики назрела потребность в разработке комплексных методов исследования, интегрирующих различные современные подходы к анализу сложных проблем взаимодействия языка и мышления. В этом контексте актуальность работы Е. В. Чернцовой, в которой предлагается комплексный, интегральный метод, совмещающий коммуникативный, дискурсивный и когнитивный аспекты исследования, не вызывает сомнений.

Работа Е. В. Чернцовой представляет собой законченное исследование, состоящее из трёх разделов, выводов к каждому разделу и общих выводов, списка литературы. Автор, во-первых, разрабатывает собственную оригинальную методику анализа полисемии, что является теоретическим вкладом в когнитивную лингвистику, и, во-вторых, с помощью оригинальной методики приходит к пониманию специфики полисемии анализируемых слов. Тип полисемии лексем *казаться*, *показаться*, *кажимость*, *кажется* развивается не как отношение инвариантное – вариантное или исходное – производное значение, где развитие значений является результатом метафорических, метонимических и пр. преобразований, а в соответствии с другими закономерностями – дискурсивными и когнитивными.

В разделе «Теоретические основы и методология интегрального исследования» анализируемые слова рассматриваются в разных теоретических аспектах, с использованием понятий разных научных парадигм – семантико-синтаксической, коммуникативно-дискурсивной, когнитивной, в том числе исследуется их история. Теоретической базой исследования является гипотеза Р. Джекендоффа о том, что в сознании человека существует когнитивный уровень, на который поступает вся полученная извне информация, на котором обрабатываются перцептивные данные, а также осуществляется осознание эмпирических данных с помощью языка (с. 36). С целью лингвокогнитивного моделирования Е. В. Чернцова использует идею о двухуровневой организации когнитивной семантики слова, состоящей из анализируемого уровня поверхностной языковой семантики и реконструируемого уровня когнитивной семантики.

В исследовательских разделах (2 и 3) представлена дискурсивная типология контекстов функционирования избранных слов, исследуются дискурсивно обусловленные значения каждого слова в контекстах быденного, публицистического, научного, художественного дискурсов, устанавливается взаимосвязь между контекстным значением слова и содержанием дискурсивной и когнитивной деятельности субъекта дискурса.

Анализируя поверхностную языковую семантику, Е. В. Чернцова реализует атомистический подход, состоящий в дифференциации значений, обнаружении специфики каждого значения, установлении взаимосвязи разных значений каждого слова, их места в дискурсивной типологии контекстов. Типология строится с учётом не только дискурсивного, но и коммуникативного типа контекста, а также типа коммуникативного регистра. Е. В. Чернцова различает

два основных коммуникативных регистра: репродуктивный и информативный. Репродуктивный регистр связан с эмпирикой наблюдения, информативный, напротив, представляет отвлеченность от конкретной ситуации наблюдения. Холистическая направленность исследования семантики многозначного слова проявляется в обобщении полученных семантических данных, выявлении повторяющейся структуры когнитивных процессов, в которой отражены шаблоны понимания и мышления; реконструкции гештальт-сценария, а также установлении корреляции между уровнем концептуальной и поверхностной языковой семантики.

Интегральный анализ, учитывающий различные дискурсивные параметры, коммуникативные типы контекстов («Я»-, «Ты»-, «Он»-контекст), когнитивные процессы и структуры, обуславливает своеобразную «стереоскопичность» исследования, позволяет создать модель, максимально адекватную объекту. При этом в фокусе внимания автора находятся в первую очередь онтологические свойства объекта, а не таксономические проблемы. Изучая дискурсивное варьирование семантики слов, автор сосредоточивается на выявлении когнитивных причин и дискурсивно-коммуникативных условий такого варьирования, тогда как вопрос о статусе выявленных семантических единиц остается на периферии. Вопрос о том, являются ли эти единицы самостоятельными значениями или представляются контекстуальными вариациями одной и той же семантической сущности, в рамках данного исследования детально не рассматривается (хотя автор называет их значениями).

Е. В. Чернцова утверждает, что дискурсивные семантические вариации являются результатом актуализации под влиянием коммуникативно-дискурсивных факторов тех или иных аспектов принципиально целостной, синкретичной когнитивной структуры – гештальта. Гештальт обеспечивает целостность семантической структуры слова, создавая концептуальный фон, на котором высвечиваются контекстуально обусловленные смыслы.

Обращает на себя внимание доказательность исследования Е. В. Чернцовой. Каждый тезис аргументируется языковыми данными, вытекает из них, в работе нет голословных, умозрительных выводов. При этом выводы к разделам и подразделам не просто перечисляют полученные результаты, а обобщают, синтезируют их. От раздела к разделу нарастает степень обобщенности выводов, идет «приращение смысла», новые выводы соотносятся с результатами предшествующего исследования. Автор не навязывает читателю изначально заданную концепцию, а аргументированно и последовательно позволяет самостоятельно осмыслить и принять авторскую идею. Выводы, к которым приходит Е. В. Чернцова, (и общие, и частные) представляются вполне убедительными.

Хотелось бы отметить также детальность и тщательность анализа огромного языкового материала, что позволило автору выявить и прокомментировать широчайшую палитру тонких смысловых нюансов.

Характерной особенностью и несомненным достоинством исследования Е. В. Чернцовой является его экспланаторность, проявляющаяся в стремлении автора не только показать семантическое варьирование исследуемых слов, но и выявить когнитивные причины и дискурсивно-коммуникативные условия такого варьирования.

В целом же следует отметить основательность и масштабность работы Е.В. Чернцовой. Комплексный характер исследования потребовал от автора обращения к научному аппарату различных отраслей лингвистики. Теоретическую и методологическую базу работы составили труды по семантике, прагматике, когнитивной и коммуникативной лингвистике, дискурсологии, философии, психологии и т.д. Фактологическую базу составили многочисленные речевые контексты, репрезентирующие дискурсы разных типов. Их анализ потребовал от автора интеллектуального напряжения, концентрации творческих усилий. За всем этим стоит огромный труд. Исследование Е.В. Чернцовой очень органично и целостно, его части взаимосвязаны и коррелируют друг с другом. Автор постоянно удерживает внимание читателя, строго следует логике исследования и не теряет нити повествования. Отдельные фрагменты, складываются в единую картину.

Рецензируемая работа интересна прежде всего как разработка нового в лингвистике метода интегрального анализа, относящегося, естественно, не только к глагольным предикатам *казаться*, *показаться*, девербативу *кажимость* и парентезе *кажется*. Очевидными являются дальнейшие перспективы работы. Интегральный метод, разработанный Е.В. Чернцовой, может быть успешно применен для анализа других лексических единиц или семантических групп в их различных дискурсивных репрезентациях.

Критические замечания носят частный характер и не влияют на общую оценку монографии.

1. Разработанный интегральный метод исследования не вызывает возражений и должен быть оценен как значительный вклад автора в науку. Но в то же время в работе недостаточно внимания уделено обоснованию новизны и перспективности разработанного интегративного метода как единого метода, а не суммы отдельных методов, уже разработанных ранее в лингвистике. Не вполне ясно, чем определяется единство составляющих интегративного метода – «гармония между атомистическим и холистическим – когнитивным – подходами к языковому значению», о которой говорится на с. 15;

2. Представленная работа велика по объему (428 стр.). Многие ее частные разделы можно было бы сократить. Например, нужно ли описывать становление понятия «пропозиция» (с. 25)? То же касается категории валентности и подробного описание валентностей предиката (с. 26), вряд ли в разделе, посвященном проблемам методологии, имеет смысл приводить в большом количестве конкретные наблюдения над семантикой предикатов, вполне можно сделать менее объемным по существу реферативное изложение основ коммуникативной грамматики. Неясно, что дает подробное изложение содержания книги О. К. Ирисхановой «Игры фокуса в языке. Семантика и прагматика дефокусирования».

В целом работа Е. В. Чернцовой представляет собой актуальное, хорошо структурированное, глубоко продуманное и качественно выполненное исследование, опирающееся на серьезную теоретическую и методологическую базу. Рецензируемая монография заслуживает высокой оценки.

(Статья поступила в редакцию 25 сентября 2019 г.)

НАШИ АВТОРЫ

Безуглая Ирина Валентиновна – старший преподаватель Харьковского национального экономического университета имени Семёна Кузнеця. ORCID ID: 0000-0002-6285-2060. E-mail: iravb@ukr.net

Доценко Татьяна Григорьевна – старший преподаватель Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. ORCID ID: 0000-0002-4348-3458. E-mail: dotsencot7@gmail.com

Козлова Алла Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета славистики Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0002-2177-7746. E-mail: kozlovaag7@gmail.com

Полякова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русского языка института языкознания имени А.А. Потебни НАН Украины. ORCID ID: 0000-0001-5711-9967. E-mail: polyakovamihajlina@ukr.net

Попов Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка Южнокитайского университета имени Сунь Ятсена (КНР). ORCID ID: 0000-0002-3257-6245. E-mail: sl.popov@yahoo.com

Радчук Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0002-0343-6796. E-mail: radchuk.o.v@ukr.net

Савицкая Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Харьковского национального экономического университета имени Семёна Кузнеця. ORCID ID: 0000-0002-9158-6304. E-mail: larisa-savickaya@hotmail.com

Самсоненко Наталия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального экономического университета им. С. Кузнеця. ORCID ID: 0000-0002-3319-5989. E-mail: samsonenko.nataliia@gmail.com

Скоробогатова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0003-0214-1889. E-mail: skorobogatova.elena@gmail.com

Степанченко Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, профессор Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. ORCID ID: 0000-0002-9983-2012. E-mail: istepanchenko@ukr.net

Тараненко Валерия Викторовна – старший преподаватель Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. ORCID ID: 0000-0001-8649-2285. E-mail: taranenkovaerlav@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.И. Самсоненко. Глагольная морфологическая доминанта категории времени как основа темпорального плана и композиционной структуры лирического произведения.....	3
С.Л. Попов. О научно-мессианской новизне эволюционно-синтетической языковой теории А. Д. Кошелева.....	11
О.В. Радчук. Отсутствие: теоретическая значимость понятия для когнитивных исследований.....	19
Л.В. Савицкая, И. В. Безуглая. Моделирование и системное описание реализации концепта в фольклорной картине мира (на материале концепта «хитрость»).....	27
В.В. Тараненко, Т.Г. Доценко. Межъязыковые формально-семантические соответствия в церковнославянском и современном русском языках. Лексикографический анализ евангельской Притчи о сеятеле.....	38

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.Г. Козлова. Звуковые образы в лирике Б.А. Чичибабина.....	47
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Скоробогатова. На пути к созданию теории когнитивного синтаксиса. Рецензия на монографию: Палатовская Е.В. Сложное предложение в когнитивно-дискурсивном аспекте: Монография. Киев: ПП«Фірма “Гранмна”», 2019. 400 с.	53
Т.М. Полякова. Отсутствие: на пересечении языка и мысли. Рецензия на монографию: Радчук О.В. Лингвокогнитивная репрезентация понятия «отсутствие» в русском языке: Монография. Харьков: Юрайт, 2019. 288 с.	56
И.И. Степанченко. Когнитивное исследование дискурсивной семантики. Рецензия на монографию: Чернцова Е.В. Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов <i>казаться</i> , <i>показаться</i> , <i>девербатива кажимость</i> , <i>парентезы кажется</i>): Монография. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2019. 428 с.....	59

НАШИ АВТОРЫ	62
--------------------------	----

Научное издание

**РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Г. С. СКОВОРОДЫ**

Научно-методический журнал. 2019. № 3 (69)

Научные редакторы А. Г. Козлова
Е. А. Скоробогатова

Технический редактор Н. Ф. Цап

Компьютерный макет Д. И. Степанченко

Художник Е. И. Артюх

Корректор С. В. Петрова

Подписано к печати 28 октября 2019 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8. Тираж 500. Рег. свидетельство КВ № 15544-4016Р. ISSN 2312-1572. Цена договорная.

ХНПУ имени Г. С. Сковороды. 61002, Харьков, ул. Алчевских, 29.

Коммунальное предприятие «Формат-сервис»
16500, Бахмач Черниговской обл., ул. Европейская, 4.